

УДК 82.091

DOI: 10.31029/vestiyali26/3

ПОСТСОВЕТСКАЯ МАЛАЯ ПРОЗА КАМАЛА АБУКОВА

М. А. Гусейнов,

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского ФИЦ РАН

В статье рассмотрена малая проза Камала Абукова постсоветского периода, отмечены ее художественные особенности: ориентированность на типизацию образов, апелляция к формам комизма, мастерское применение тропов, в частности сравнения. Отмечены такие приметы эволюции творчества писателя, как усиление социальной составляющей, частое обращение к отрицательным образам, определяющие критический, иронический пафос произведений.

Ключевые слова: Камал Абуков, кумыкская проза, рассказ, индивидуальный стиль, поэтика, эволюция, сравнение.

The article considers the small prose of Kamal Abukov of the post-Soviet period, notes their artistic features: orientation to typing images, appeal to forms of comism, masterful application of tropes, in particular comparison. There are noted such signs of the evolution of the writer's work as the strengthening of the social component, the frequent appeal to negative images, which determines the critical, ironic pathos of the works.

Key words: Kamal Abukov, Kumyk prose, story, individual style, poetics, evolution, comparison.

В дагестанской литературе второй половины XX века, и в кумыкской в частности, выделяется творчество писателей, которые своим незаурядным дарованием, оригинальностью, новаторскимиисканиями способствовали поступательному развитию словесной культуры, эволюции художественной мысли нашего края. Если ограничиваться художественной прозой, то можно назвать имена Ахмедхана Абу-Бакара, К. Меджидова, А. Мудунова, М.-С. Яхъяева, И. Керимова, Хаджи Расима и др. В этом ряду по праву фигурирует и народный писатель Дагестана Камал Абуков, чья более чем полувековая деятельность служит отражением движения художественного процесса, зарождения и развития отдельных тенденций в поздней советской и постсоветской литературах.

К. Абуков, ступивший на писательскую стезю в конце 1950-х годов, зарекомендовал себя поначалу в жанре малых форм – очерка, рассказа. Более успешным было обращение писателя к жанру средней формы. Широкую известность и популярность обрели его повести «Я виноват, Марьям», «Зов разлученной птицы», «Пока очаг не погас», «Балюртовские летописцы», «По дороге на старую мельницу» и др.

К. Абуков внес весомую лепту в зарождение и развитие лирической прозы в национальной словесности. В его произведениях семейно-бытового, отчасти социального содержания наблюдается существенная контаминация с нравственной проблематикой. Индивидуальный стиль К. Абукова характерен апелляцией к образу раздумывающего героя; внутренний мир, переживания персонажей обнажаются на фоне частных явлений бытия, высвечивается их внутренняя сущность и в относительной мере современное состояние общества.

Творчество К. Абукова не обделено вниманием дагестанской критики и литературоведения. В частности, произведения писателя советского периода в качестве яркого представителя лирической прозы рассмотрены в нашей монографии «Картины эволюции кумыкской прозы 60–80-х годов» [4]. В числе трудов последних лет можно назвать монографии А. М. Вагидова [3], А.-К. Ю. Абдуллатипова и Л. А.-К. Шабаевой [1], М. А. Гусейнова [5]

и др., в которых в определенной мере освещены и поздние произведения рассматриваемого автора.

В основном объектом литературоведческого рассмотрения становятся произведения писателя средней формы. В то же время следует заметить, что К. Абуков является автором незаурядных по художественному звучанию произведений в жанре рассказа, остающихся на периферии исследовательского внимания. Показательно, в частности, что его рассказы «Слезы старика» («Къартны гёзьяшлары»), «Из-за дворовой собаки» («Саякъ ит саялы») по праву стали хрестоматийными, войдя в школьные учебные пособия.

Мастерство К. Абукова-рассказчика, помимо свойств, отмеченных выше, проявляется в емкой образной характеристике явлений и лиц, в их типизации. Глубокое постижение событий повседневной жизни у него органично сочетается с увлекательностью сюжетного действия.

Указанные особенности отчетливо выражаются и в малой прозе писателя позднего периода деятельности. Рассказы «Средней степени мужество середняка Шюкюрбека» («Орта Шюкюрбекни орта къоччакълыгъы»), «Собачья свора» («Ит сирив»), «Возможно, опомнится» («Эс табар бугъай»), «Немощна была умершая девочка или мы, оставшиеся живыми?» («Оылген кызы зайдипши яда бизбизми – сав къалгъанлар?») и другие, вошедшие в книгу «Приму вашу тяжесть» («Авуругъуз алайым») [2], служат очередной демонстрацией незаурядного таланта К. Абукова.

Заурядный, казалось бы, сюжет положен в основу рассказа «Средней степени мужество середняка Шюкюрбека». Главным его героем является Залибек, который, будучи человеком пожилого возраста, прожил свою жизнь, придерживаясь определенных принципов, в том числе моральных. Ключевым в его характеристике является определение «орта» – «средний». Изначально автор представляет его читателю «человеком среднего телосложения, средних мыслей, средней нравственности» («орта бойлу, орта ойлу, орта къылыкълы гиши») [2, с. 183]. Так и шел по жизни Залибек, держась середины, стараясь ни в чем не отставать от остальных, но и не высываясь вперед. Залибек вполне довольствуется тем, что имеет: «у него есть средняя квартира, сын среднего телосложения, средней красоты дочь» («орта квартири, орта бойлу уланы, аривлюю орта къызы бар») [2, с. 183]. Во всем уповая на Всевышнего, на вопросы окружающих о его делах он неизменно отвечает однообразно: «Средне. Благодарение Аллаху...» («Орта. Аллагъын шюкюр...») [2, с. 183]. В этой связи Залибек получил прозвище «Шюкюрбек», прочно укоренившееся за ним (от слова «шюкюр» – «благодарение»).

Таким образом, посредством слова «орта» («средний»), активно используемым автором в начале рассказа, к тому же вынесенным в его заглавие, подчеркивается сущность характера главного героя. То есть это человек, довольствующийся тем, что имеет, ни на что не претендует, преподносит себя таким, как все, ничем не примечательным.

Однако случай, произошедший с героем во время отдыха в санатории на морском побережье, кардинально меняет такое представление о нем. Шюкюрбек знакомится в санатории с Диной Степановной, приехавшей из центральной России. Их отношения переросли «среднюю ступень», обрели веский интимный оттенок.

Однажды во время купания в море Дина Степановна стала неестественно барабататься, Шюкюрбек тотчас поспешил ей на помощь. Однако в итоге спасителем стал не он, а Дина Степановна, которой с трудом удалось вытолкнуть Шюкюрбека к берегу. Тем не менее, собравшейся толпе отдыхающих женщина преподнесла случившееся в пользу Шюкюрбека, прилюдно поблагодарив его за свое спасение.

В результате широкой огласки случившегося Шюкюрбек был удостоен медали за спасение утопающего, о его героическом поступке написали в газетах, его стали приглашать для выступлений перед школьниками. Он стал узнаваем, почувствовал свою важность, значимость в обществе, стал приводиться молодежи в качестве примера для подражания.

Таким образом, его заветная мечта, которую он лелеял в глубине души, была реализована. Ему удалось выделиться из общей массы, стать почитаемым человеком. Теперь при

встрече с окружающими, осознав свою особость, он стал стремиться избегать рукопожатия, как бывало раньше, и перестал отвечать на тривиальные вопросы о житье-бытье словом «орт» («средне»).

В рассказе «Средней степени мужество середняка Шюкюрбека» К. Абуков мастерски воспроизводит сущность личности, прямо сказать заурядной, вдруг преобразующейся в результате опять-таки заурядного события в обычном человеческом понимании, которое, однако, в индивидуальном восприятии персонажа трактуется неординарным, чуть ли не сверхъестественным.

Автором создан образ «маленького» человека. Герой рассказа слит с толпой, с безликой массой. Он один из них, не лучше и не хуже. И эта ситуация его вполне, казалось, удовлетворяет. Не случайно наиболее употребительной характеристикой героя предстает слово «средний» («орт»). Позиция персонажа согласуется и с религиозными, исламскими регламентациями, когда каждый правоверный должен довольствоваться малым и благодарить Всевышнего за все, что у него есть. Именно к нему и апеллирует Шюкюрбек.

Однако одно единственное событие, произошедшее на склоне жизни Шюкюрбека, вскрывает его глубинную суть. Становится очевидным, что ни исламские нравственные ценности, ни национальные этические традиции для него не первичны. Герой приходит в упоение от того, что ему удалось выделиться из общей массы, стать узнаваемым, что воспринимается как успех, значительное достижение.

Талант К. Абукова проявляется в том, что на небольшом пространстве рассказа ему удалось создать зримый образ человека своеобычного, со своими индивидуальными признаками, собственными жизненными принципами. Центральный герой вполне соответствует определению типического образа. Шюкюрбек преподносится как характерный тип представителя современности.

Рассказу «Средней степени мужество середняка Шюкюрбека» присуща ироническая тональность, предстающая доминантой произведения, способствующая оптимальному решению художественных задач. Изначально заявленная авторская позиция в отношении персонажа выдерживается в едином ключе на протяжении всего повествования. Несоответствие тонких авторских характеристик и оценок происходящего восприятию их самим персонажем, свидетельствующее об апелляции автора к комическим формам, призвано к пробуждению в читательском восприятии призывающего эффекта.

Аналогичные средства художественного изображения использованы автором и в рассказе «Собачья свора». Главный герой произведения Запир, посвятивший всего себя написанию жалоб в вышестоящие инстанции по всякому поводу, считает себя борцом за справедливость. Однако окружающими его деятельность оценивается далеко не так однозначно.

Запир не одинок в борьбе за истину, имеет своего продолжателя Девета, который за глаза именует своего учителя «устазом» – «духовным наставником». Их дела шли ни шатко ни валко, пока на волне новых веяний они не решились на расширение своих действий посредством создания кооператива.

Организационное мероприятие по созданию «Бойцов обновления» («Янгыртывну боецлері») сплотило мастеров писать жалобы и анонимки, вдохновило их на активизацию своей деятельности. Однако уже на начальном этапе это сомнительное для здравомыслящего человека предприятие дало трещину. Ведь первой жалобой члена новоиспеченного кооператива стала анонимка на его председателя Запира, в которой Девет раскритиковал своего «устаза».

При рассмотрении данного произведения также очевидна ироническая, комическая тональность повествования. Тем не менее, в этом аспекте в нем наблюдается отличие от предшествующего рассказа, в котором оценка образа вытекает из иронично-шаржированной характеристики повествователя. В рассказе «Собачья свора», помимо комической интерпретации автором событий, весомое значение имеют речевое самовыражение образов в контексте их диалогов и конфликты, в которых проявляется их нравственная сущность.

Неблаговидная деятельность лиц, склонных строчить анонимки, жалобы, критически оценивается одним из персонажей, видением которого подытоживается произведение. Так, Кавсарат, близкая знакомая Девета, при его предложении участвовать в их «правом деле» в борьбе за справедливость, дала ему пощечину, выгнала из дома и вдобавок ко всему уподобила их, жалобщиков, псам. Завершается рассказ сентенцией о том, что Кавсарат содрогнулась от увиденного во сне: свора собак шла по улице, кусая друг друга.

В данном случае очевидно, что свора собак уподобляются изображенные писателем персонажи, сбившиеся в стаю, под названием кооператив. Они руководствуются меркантильными соображениями, корыстными интересами, выдавая себя борцами за правду. Кроме того, в их примере удручет то, что истинные нравственные ценности подменяются мнимыми, что воспринимается действующими лицами как само собою разумеющееся. Правомерно заметить также, что в этих произведениях современностью датируется период преобразований в обществе, означенный такими понятиями, как «гласность», «демократия», «перестройка».

В этом контексте на примере рассказов «Средней степени мужество середняка Шюкюрбека», «Собачья свора» (сюда же можно отнести и рассказы «Возможно, опомнится», «Немощна была умершая девочка или мы, оставшиеся живыми?»), проводя параллели с прозой К. Абукова предшествующих десятилетий, можно говорить об определенной тенденции. Если прежде при изображении современной действительности при всем драматизме жизненных судеб персонажей в произведениях К. Абукова превалировали светлые начала, то в его поздней малой прозе они уступают место событиям и персонажам далеко неоднозначным. Более того, в центр повествований в поздней малой прозе писателя выдвигаются герои, не относящиеся к разряду авторских симпатий, прямо сказать, отрицательные типажи, что также не было для него характерным. В этот же ряд вписывается усиление форм комизма.

Заметим в этой связи, что К. Абуков, будучи автором незаурядного дарования, мастерски использовал в своем арсенале широкий спектр приемов художественной изобразительности, при этом не избегал и сатирико-юмористических средств. Однако они использовались им как один из множества приемов (это наблюдается и в его произведениях прозы средней формы, датируемых постсоветским периодом). В поздней малой прозе К. Абукова дело обстоит иначе: ироническая, насмешливая тональность в ней является одной из доминант повествования.

В вышеприведенных аспектах однозначно выражено авторское видение действительности. В той связи, что речь идет о произведениях художественных, важно не столько то, что сказано, сколько то, как оно преподнесено.

Незаурядный талант К. Абукова-прозаика проявляется в умении придать образам осозаемость, зримость, убедительность, чтобы читатель мог почувствовать, что имеет дело с реальными лицами, своими современниками. В числе характерных примет произведений следует отметить частотность использования одного из простейших видов тропов – сравнения. В рассмотренных рассказах К. Абукова впечатляет его искусное применение, посредством сравнения высвечивается индивидуальное своеобразие персонажей, передается их психологическое, эмоциональное состояние.

Использование в комическом ключе религиозной лексики также представляется метой времени, так как в этот период обрело небывалую активизацию обращение к исламским культурным ценностям. В массовом сознании они подменялись внешней атрибутикой.

Так, например, Запир, углубившийся в написание очередной жалобы, словно отршившись от всего мира, уподобляется «впавшему в экстаз суфию» («лап шавху гелген супу йимик») [2, с. 190]. Когда же к нему обращаются за советом, Запир, стремясь подчеркнуть свою важность, ведет себя «как устаз (духовный наставник), который точно осознает свои силу и почет» («гючюн де, абурун да мекенли билеген устаз йимик») [2, с. 191]. Про Кавсарат, услышавшей имя Запира, которая считает его бессовестным человеком, сообщается, что от брезгливости она поморщилась, «словно ее обдало запахом прогнивших яиц» («чирик йымырткъаны ийиси урунуп гетгендей») [2, с. 195]). Однако сподручные кляузника Запира

оценивают его иначе, поклоняются ему как устазу и всенепременно заверяют: «Если не от нас, то воздастся тебе от Аллаха» («Бизден къайтмаса, Аллагъдан къайтар») [2, с. 193]). Горькая ирония в такой благодарности заключается в том, что жалобы, анонимки в исламе жестко порицаются.

Меткие сравнения, использование терминов религиозного содержания придают эффектное звучание сентенциям, определяют яркую экспрессию повествования.

Таким образом, поздняя малая проза К. Абукова, датируемая постсоветским периодом, служит наглядным подтверждением его незаурядного художественного дарования. Произведениям «Средней степени мужество середняка Шюкюрбека», «Собачья свора» и др. присущи яркая образность, емкость и лапидарность характеристик явлений и лиц, создание на небольшом пространстве рассказа запоминающихся, зрячих образов.

Данные произведения также дают основание для суждений о некоторых особенностях, приметах индивидуального стиля писателя, которые совершаются. Это прежде всего типизация образов, осуществляется через изображение отдельных черт их характера. Кроме того, наблюдается усиление в его творчестве иронических, комических форм, обнаруживающих суть личности. При этом своей основной направленностью рассказы К. Абукова ориентированы на утверждение традиционных нравственных ценностей, порядочности, культурного этикета и, самое главное, человеческого в человеке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллатипов А.-К. Ю., Шабаева Л. А. История кумыкской литературы. Махачкала: ДГУ, ДГПУ, 2019. Часть III. 359 с.
2. Абуков К. Прими вашу тяжесть (Авуругъуз алайым). Махачкала, 1996. 304 с. На кум. яз.
3. Вагидов А. М. Дагестанская проза второй половины XX века. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2005. 568 с.
4. Гусейнов М. А. Картины эволюции кумыкской прозы 60–80-х годов. Махачкала: «Наука-сервис», 1993. 166 с.
5. Гусейнов М. А. Кумыкская проза на рубеже веков (1990–2010-е гг.). Махачкала: ИЯЛИ ДФИЦ РАН, 2020. 240 с.

Поступила в редакцию
02. 02. 2021.

Гусейнов Малик Алиевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН;
e-mail: iyalidnc@mail.ru

Guseynov Malik Alievich, Doctor of Philology, chief researcher, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS;
e-mail: iyalidnc@mail.ru